

Блеск и нищета языковых универсалий*

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7; e-mail: itkasavin@gmail.com

В статье выделяются функции понимания и интерпретации в зависимости от их объекта – природы, культуры и жизненного мира человека. Высказываются критические аргументы против жесткого разграничения понимания и интерпретации А.Л. Никифоровым, приводятся примеры парадоксов и иных трудностей, возникающих из их противопоставления. Приводятся возражения против ограниченной трактовки языковых универсалий как понятийных конструкций. Предлагается гипотеза об эмпирическом генезисе некоторых универсалий науки (химический элемент Р. Бойля). Высказывается мысль о сложной структуре языковой универсалии, которая обнаруживается при ее философском анализе.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, смысл, универсалия, язык, контекст, «природа–культура», «естественное–искусственное»

THE SPLENDOR AND MISERY OF LINGUISTIC UNIVERSALS

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 7 Universitetsky lane, 603000, Nizhni Novgorod, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The author singles out the functions of understanding and interpretation in terms of their object – nature, culture or the life world of man. The critical arguments are proposed against the strict separation of understanding and interpreting by A. L. Nikiforov. The author provides examples of paradoxes and other difficulties arising from their juxtaposition. He also formulates objections against the limited interpretation of linguistic universals as conceptual constructs. He proposes a hypothesis on the genesis of some empirical universals in science (chemical element by R. Boyle). Finally, he suggests the idea of a complex structure of language universals to be discovered by philosophical analysis.

Keywords: understanding, interpretation, meaning, universal, language, context, “nature–culture”, “natural–artificial”

Александр Леонидович начинает свое рассуждение с анализа герменевтического представления о понимании и смысле. Он помещает в фокус своего внимания концепции Шлейермахера и Дильтея, которые относили понимание только к наукам о духе. В отличие от них науки о природе объясняют, а не понимают, природа не есть предмет понимания. Дальнейшее развитие герменевтики к Хайдеггеру [Heidegger, 1995], Гадамеру [Гадамер, 1988] и Рикёру [Рикёр, 2002] в целом подтвердило ее дисциплинарную ориентацию на опыт гуманитарных наук. Однако идея о том, что понимание лишь воскрещает,

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

«распутывает» однажды возникший в чем-то сознании и скрытый для постороннего наблюдателя смысл, претерпела весьма существенную коррекцию. Подлинная герменевтическая «археология знания» оказалась не чужда конструированию смысла именно потому, что отказала интерпретатору в элиминации собственной субъективности и современных контекстов понимания. «Предметность», «бытие», «историчность» предстали как условия внепространственной, вневременной, внесоциальной универсальности смысла и его понимания. Объективность понимания, достигаемая путем максимального учета субъективности, стерла границы между прошлым и будущим, своим и чужим, реальным и идеальным. Субъективность утратила тем самым личностно-психологические черты, а задача понимания подлинных мотивов, замыслов, озарений конкретного автора, создавшего культурный артефакт, отошла на задний план [Касавин, 2011].

И здесь мы обнаруживаем, что Александр Леонидович уже стремительными мыслительными шагами пробежал всю историю герменевтики и пришел к тому, что на место ограниченной, частной операции понимания следует поставить универсальную интерпретацию. Понимание-де может быть направлено лишь на те объекты, у которых уже раньше имелся в наличии какой-то смысл, и его функция состоит в восстановлении этого смысла. **В отличие от этого, интерпретация имеет своим объектом то, что лишено смысла, и состоит в его приписывании.** В данном случае не может быть сомнения, что главным объектом интерпретации является именно природа и, желательно, в неизведанных дебрях Амазонки, где еще не ступала нога человека. Еще точнее, интерпретация есть главный метод космических исследований на безымянных и неизученных планетах, где ничто не имеет первоначального обозначения и, по возможности, действуют даже иные законы природы.

Так, например, если космонавты-исследователи обнаружили на Марсе нечто, напоминающее оросительные каналы (искусственные объекты), то задача заключена в том, чтобы точнее понять их функции и способ построения. Следовательно, они в первую очередь занимаются интерпретацией, поскольку вынуждены некоторым сооружениям из природных материалов придать культурное назначение, т. е. смысл. **А во вторую очередь им предстоит заняться социально-гуманитарным исследованием, использующим процедуру понимания,** потому что смысл уже задан и его нужно изучить во всех деталях. Иное дело, что такие детали придется по ходу дела еще изобретать, вновь занимаясь интерпретацией по мере того, как первоначальный смысл обнаружит свою банальность, ошибочность, неточность. Более того, с самого начала эти объекты нужно распознать как лишенные смысла, т. е. придать им смысл природных объектов, сформировавшихся вне воли и сознания людей. Но как назвать такое «распознавание» – интерпретацией или пониманием? Ведь признавая нечто природным,

т. е. лишенным смысла объектом, мы уже автоматически накладываем на него наши категориальные пары «природа–культура», «естественное–искусственное». С одной стороны, это интерпретация, потому что раньше люди считали эти объекты просто марсианским рельефом, а теперь они являются искусственными сооружениями. Однако, с другой стороны, это понимание, потому что данные объекты оказались искусственными и, следовательно, имеющими заранее данный смысл, который исследователи благополучно открыли. В **общем**, космические исследователи обречены на высокую степень произвола в мыслительном обращении со своими находками. Интерпретация как процедура, направленная на лишенные смысла объекты, как мы видим, сталкивается с некоторыми небольшими проблемами.

В **отношении природы язык представляет собой форму «навязанной рациональности»** [Асташова, 2016], и наиболее явные ее формы – это языковые универсалии как условия понимания.

Однако на ситуацию можно посмотреть и с другой, неожиданной стороны, касающейся наук социальных и гуманитарных. Едва ли не главный парадокс, обременяющий понятие интерпретации в версии А.Л. Никифорова, **это то, что сам язык и речь не могут быть ее предметом**. Ведь все лексические единицы не стерильны, много раз использовались в разных целях и в разных смыслах, и это касается даже продуктов живого языкового творчества, т. е. слов и конструкций, изобретенных в данную секунду самим интерпретатором: ведь они уже в момент своего порождения немедленно наделяются смыслом – иначе нет смысла их изобретать! Следовательно, язык, речь, текст, дискурс и пр. суть предметы понимания, т. е. отнесения тех или иных объектов к контексту своего жизненного мира. Причем, если дело касается понимания иностранного языка, то орудиями понимания, казалось бы, являются всем известные предметы, сопоставление с которыми позволяет установить (открыть или приписать?) смысловую идентичность слов. Но их использование обременено многомерностью смысла. Указывая на собаку, англичанин скажет «**dog**», немец произнесет «**Hund**», а первое, что подумает присутствующий при этом русский, это что первое слово означает породу собаки, а второе – ее кличку. А если немец, указывая на известную телеведущую, произнесет «**Uschi Glas**» (Уши Глас), то для русского слуха это будет привлечением к деталям ее лица, а вовсе не именем и фамилией. Понимание языковых феноменов, таким образом, является функцией не столько отнесения к жизненному миру, сколько к лингвистическому контексту, который позволяет их *универсализировать*, т. е. встроить в классификацию, вписать в категорию, в конечном счете, подчинить понятию (роду, виду, имени).

В свою очередь, **внутренний мир человека, жизненный мир** также, по мысли Александра Леонидовича, является предметом не интерпретации, а понимания, поскольку сам состоит из смыслов. Лич-

ностные смыслы могут быть поняты кем-то другим, если удастся поставить себя на место понимаемого и проникнуть, так сказать, в его душу. Поскольку это трудная задача, то люди в основном занимаются интерпретацией внутреннего мира другого человека, как если бы это был нечеловеческий, лишенный смысла объект. Естественно, что взаимопонимание оказывается тогда возможным только в очень пик-викском смысле. Я навязывает Другому свои собственные смыслы, а Другой также ни на что лучшее не способен и даже не может понять (или проинтерпретировать?), как Я понимает Его самого.

В научном познании, о котором Никифоров в данном тексте не говорит сколько-нибудь развернуто, различие между пониманием и интерпретацией оказывается неразличимым. В середине XVII в. в Англии Роберт Бойль был озабочен вопросом о поиске рационального зерна в учениях перипатетиков и алхимиков для того, чтобы сформулировать ключевое понятие химической атомистики, – понятие элемента [Касавин, 2007]. Нельзя сказать, чтобы такого термина («element» – перевод с древнегреческого означает «стихия», а это был известный термин Аристотеля) вообще не существовало. Однако отсутствовало его истолкование в терминах экспериментальных ситуаций. Мир, состоящий из стихий воздуха, воды, земли и огня, оставался метафизической, абстрактной конструкцией, а наблюдаемые лабораторные эффекты не могли быть упорядочены, систематизированы, категоризированы и тем самым поняты. Предложение Бойля отличалось радикальностью: «элементом» объявлялось вещество, которое с помощью химических методов не подлежало дальнейшему разложению на составляющие, а потому являлось «элементарным», простейшим в аналитическом, а не метафизическом смысле. Все остальные соединения и смеси рассматривались как составленные из элементов в результате определенных химических операций. Удивительность этой идеи состояла в том, что языковая универсалия (базовая химическая категория, род) формулировалась не с помощью методов аристотелевской логики, а путем эмпирической интерпретации, производной от лабораторных ситуаций, и могла уточняться на пути прогресса аналитической химической практики.

Какова же роль языковых универсалий в структуре понимания? Они обеспечивают интерсубъективность тем, что задают границы смысла. Для науки это, скорее, важно, для искусства, скорее, вредно. Задача философии – в том, чтобы вслед за Хайдеггером и Хьюбнером [Хьюбнер, 1999] увидеть две стороны языковой универсалии как культурного феномена: категориальную и экзистенциальную. Именно в этом случае понимание, произвольно обрывая рассудочную рекурсию, возвышается до знакового жизненного события – судьбоносной встречи в пространстве смыслов.

Список литературы

- Асташова, 2016 – *Асташова Н.Д.* Экономическая составляющая в эффекте «навязанной рациональности» торговых центров // *Общество: Философия, История, Культура.* 2016. № 7. С. 55–57.
- Гадамер, 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Касавин, 2011 – *Касавин И.Т.* Дэвид Юм. Парадоксы источников познания // *Вопр. философии.* 2011. № 3. С. 157–171.
- Касавин, 2007 – *Касавин И. Т.* Наука и культура в трудах Роберта Бойля // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2007. Т. 11. № 1. С. 182–193.
- Рикёр, 2002 – *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
- Хюбнер, 1999 – *Хюбнер К.* Религиозные аспекты экзистенциального анализа у Хайдеггера // *Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления / Под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса.* СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 373–387.
- Heidegger, 1995 – *Heidegger M.* Hermeneutik der Faktizität (Vorlesung Sommersemester 1923) // *Martin Heidegger Gesamtausgabe. Bd. 63 / Hsg. v. K. Röcker-Oltmanns.* Frankfurt a/M.: Athenäum, 1995. 2. Aufl. XII. 116 S.

References

- Astashova, N. D. Ekonomicheskaya sostavlyayushchaya v effekte «navyazanoi ratsional'nosti» torgovyykh tse ntrov [The economic component of the 'imposed rationality' effect], *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*, 2016, no. 7, pp. 55–57. (In Russian)
- Gadamer, H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Wahrheit und Methode]. Moscow: Progress, 1988, 704 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. Hermeneutik der Faktizität (Vorlesung Sommersemester 1923), in: *Martin Heidegger Gesamtausgabe. Bd. 63 / Hsg. v. K. Bröcker-Oltmanns.* Frankfurt a.M.: Athenäum, 1995, 2. Aufl. XII. 116 S.
- Hübner, K. Religioznye aspekty ekzistentsial'nogo analiza u Khaideggera [The religious aspects of existential analysis of reasoning], in: Kasavin I. T., Porus V. N. (eds.). *Razum i ekzistentsiya. Analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniya* [Reason and Existence. Analysis of scientific and non-scientific forms of reasoning]. Saint Petersburg: RGKhI, 1999, pp. 373–387. (In Russian)
- Kasavin, I. T. David Yum. Paradoksy teorii poznaniya [David Hume. Paradoxes of the sources of knowledge], *Voprosy filosofii*, 2011, no. 3, pp. 157–171. (In Russian)
- Kasavin, I. T. Nauka i kul'tura v trudakh Roberta Boilya [Science and Culture in Robert Boyle's works], *Epistemology & philosophy of science*, 2007, vol. 11, no. 1, pp. 182–193. (In Russian)
- Ricoeur, J. P. G. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Le Conflit des interprétations. Essais d'herméneutique]. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo Pole, 2002. 624 pp. (In Russian)